

Я РОДОМ НЕ ИЗ ДЕТСТВА – ИЗ ВОЙНЫ...

Недавно умер последний ветеран Великой Отечественной войны из проживавших на территории Хотимского района. Ушёл из жизни последний свидетель военных событий. И это очень грустно, потому что вместе с ним и другими участниками той страшной трагедии 1941-1945 годов ушла живая память.

Но среди нас ещё есть свидетели, очевидцы самой кровавой войны в истории человечества. Это дети войны. Им сегодня за 80, но они хорошо помнят ужасы немецкой оккупации, рассказывают истории, морозящие душу. Они и есть сама историческая память.

Мы занимаемся в объединении по интересам «Живое слово» центра творчества детей и молодёжи «Ветразь надзей». С особым интересом изучаем историю родного края, бываем в походах, экспедициях, встречаемся с детьми военных лет – бабушками, дедушками. От них мы узнаём о многих «белых» пятнах военного прошлого.

Всякий раз, собираясь в очередную экспедицию, каждый из нас испытывает волнение от предстоящей встречи с чем-то новым, интересным и очень важным для каждого из нас.

До сих пор ребята находятся под впечатлением от поездки в Боханы. После, уже во время её обсуждения, все сошлись на мысли, что нам очень повезло. Повезло потому, что встретились со

свидетелем далёких военных событий, прикоснулись к жизни людей в суровые послевоенные годы.

И эта живая история предстала перед нами в образе простой деревенской женщины **Марии Лукиничны Мосейковой** (в замужестве Сёмочкиной). 84 года Мария Лукинична прожила в Боханах – деревне детства, юности, зрелости. До войны вместе с мамой и бабушкой, свекровью мамы, жили просто, скромно, как и все сельчане.

Маше шёл шестой год, когда началась Великая Отечественная война. Она хорошо помнит приход немцев, которые появились в середине августа 1941 года. У обочины дороги оставили мотоциклы, машины, а сами пошли по домам грабить население. Забирали домашних птиц, свиней, хватали крынки с молоком. Мария Лукинична рассказывала, как к ним во двор сначала забежал один немец и с криком «Матка, яйка!» забрал горшок с куриными яйцами. Потом появился второй гитлеровец, наставил на неё автомат и попросил ещё яиц. Маша заплакала, метнулась было в сарай, где, возможно, в гнездах лежали куриные яйца. В это время первый немец сжалился над ней и оттолкнул второго, у которого было оружие в руках. Разные люди были и среди гитлеровцев.

Мария Лукинична рассказала, как они с мамой прятались от немца в густых зарослях пыруса (ирги). Немец походил вокруг, покричал, но их не увидел и пошёл дальше на поиски тех, кто должен был ощипывать награбленных и убитых ими птиц. В памяти старожилов деревни и Марии Лукиничной остались страшные воспоминания о карателях Бишлера. В отряде его были не немцы, а русскоговорящие, но местное население до смерти было напугано зверствами этих бандитов-карателей. Вальдемар Бишлер был таким толстым, что один вид его наводил ужас на всех, кто видел этого ката. Вот какую историю о бесчинствах бишлеровцев рассказала нам бабушка Мария Лукинична:

«Расположилась команда этого Бишлера в одном доме на улице Голеевке (местное название). Согнали туда всех провинившихся, по мнению карателей, людей. Говорят, были там и жители соседнего Енаполя. Помню, что дом был битком набит людьми. Я вместе с мамой находилась в первой комнате. В другой, куда по очереди выводили людей, устроили пыточную. Там по одному человеку бросали на стол и изо всей силы били шомполами. Люди стонали, кричали, плакали... Бишлеровцы же после истязания каждой жертве объявляли приговор: кому виселица, кому расстрел. Все ночевали в этом доме, никого не выпускали. Я тоже провела ночь здесь, а на рассвете мама, вся в крови, избитая, разбудила меня (лежали мы на полу) и шёпотом сказала, чтобы я бежала в дом

Мосейковой Фёклы. Мама надеялась, что после её смерти меня, сироту, родственники не оставят.

Кое-как я выбралась из дома, где вместе с обреченными на смерть провела самую страшную ночь в своей жизни. Прибежала к хате бабушки Феклы, плачу в голос.

Только зашла в горницу, как тут же и обомлела от ужаса! Наверное, такого и не придумаешь. Сидит, развалясь, на стуле, самый главный каратель – Бишлер, а две девушки протирают его толстое, в складках, рыхлое тело влажными полотенцами. А он пыхтит, дышит тяжело. Говорили люди, что он всё время какие-то леденцы в рот клал, чтобы одышки не было.

Показал он на меня пальцем, спросил, почему плачу. Я о маме рассказала, о том, как её избили и где она сейчас. Бишлер помолчал, а потом велел передать кому-то, чтобы её отпустили.

Я и все наши родственники сначала не поверили, а потом заплакали от радости, что маму отпустили. Рыдали от ужаса, когда увидели её, в окровавленной одежде, изможденную. Мама всё время стонала. Тело её во многих местах было глубоко рассечено. На всю жизнь так и остались на нём страшные рубцы от ударов шомполами... Она долгое время не могла ни сидеть, ни лежать. Посоветовали смазывать раны жиром, что мы и делали.

Было это, по-моему, в конце весны 43-его, мне уже шёл восьмой год.

Бишлеровцы же после той страшной ночи погнали людей в Горню. Шли слухи, что там многих расстреляли. Рассказывали, что среди казнённых оказалась учительница из Хотимска, нарушившая комендантский час. Её задержали после 19 часов. Говорили также, что некоторые из людей всё же чудом спаслись от смерти, возвратились в родные деревни».

Врезалась в детскую память Марии Лукиничны и ещё одна страшная картина: немцы с овчарками гонят евреев по пыльной деревенской дороге в сторону Прудка, на Хотимск. Одна еврейка на ходу умоляюще просит бабушку Маши забрать её дочку и спрятать. Но спасти девочку никак нельзя: кругом немецкая охрана. Бабушка долго плакала, глядя в сторону дороги, по которой гнали на верную смерть еврейские семьи. До войны в Боханах жили евреи, торговали, ни в какие конфликты не вступали с людьми, все уважали их. Возможно, прах расстрелянных боханских евреев находится в братской могиле около хотимского льнозавода.

Бабушка Мария Лукинична хорошо помнит, и как отступали немцы. В конце лета – начале осени 43-его года, перед их отступлением, по деревне поползли слухи, что партизаны готовят военную операцию – будут давать бой вблизи Боханов. Люди стали собирать свои нехитрые пожитки и во второй половине сентября, накануне Воздвижения, ушли в лес.

Ночью, чтобы согреться, жгли костры, готовили варево. Здесь же прятали и скотину.

«Вот сидим мы в лесу (место это сегодня называют Горелым), – рассказывает Мария Лукинична. – Выходит к нам на огонь человек, представился партизаном. Был он голоден, и деревенские бабы тут же накормили его и дали хлеба с собой. Он говорил, что скоро придут наши, красноармейцы, предупредил, что партизаны планируют бой вблизи деревни. Посоветовал жителям уйти в глубь леса. Его послушались и ушли к Тростине, за несколько километров от Горелого.

И действительно, немцы через какое-то время расположились вдоль Беседи, направили пулемёты в сторону леса. Однако по какой-то причине в сражение с ними партизаны не вступили.

Три дня все мы: дети, подростки, женщины, старики – были в лесу. Вернулись – четвертая часть села сожжена.

Всюду дым от пожарищ, головешки, обуглившиеся печные трубы. Перед уходом в лес люди закапывали свои пожитки и кое-какие продукты что-то уцелело, а что-то досталось мародёрам (и такие были). Наш дом сгорел, и мы некоторое время жили в соседской уцелевшей баньке. Чугунок горячей воды был в радость. Позже нас с мамой как погорельцев поселили в доме Коржуковой Ефросинии. Всех людей, оставшихся без крова, власти распределили в уцелевшие хаты. 3 года жили мы в чужом доме. Не ссорились, трудились, помогали друг другу, делили радость и печаль. Беда была у всех общая – война. Но

она не сделала нас жестокими, наоборот, все сочувствовали ближним, соседям, сиротам, вдовам».

Летом прошлого дома мы побывали в Боханах на местах бывших воинских захоронений и решили подробнее расспросить о них у Марии Лукиничны. Оказалось, что когда хоронили красноармейцев, погибших здесь в сентябре 1943 года, она находилась возле могил.

«В могилы тела клали так: двое солдатиков рядом, голова к голове. Деревенские женщины накрывали их лица домотканым полотном. Потом ещё двоих клали головами к ногам первых, тоже накрывали белым холщовым лоскутом. Так и похоронили погибших в двух братских могилах. Мы, дети, хоть и боялись, но стояли рядом и всё видели. А тех, кто после подрыва машины на противотанковой mine был ранен, на подводах отвезли в Хотимскую больницу, легко раненных оставили в доме Савостенко Евдокии Савельевны, по прозвищу Жукелчиха...

Лет 10 останки погибших солдат покоились в могилах у дороги, а в начале 50-х их перевезли в райцентр, в большую братскую могилу», – вздыхая, завершает свой рассказ о красноармейцах Мария Лукинична.

«Трудными, голодными были и первые послевоенные годы, – рассказывает Мария Лукинична. – Всё время хотелось есть. Бывало, нарвёшь в поле торбочку щавеля, принесёшь домой и ждёшь, пока мама сварит из него в печи чугунок пустых щей. Хлебаешь эти щи, а есть ещё больше хочется.

Плачешь и всё время жалуешься: «Есть хочу! Есть хочу!»

Весной ходили по колхозным полям, проваливаясь по колёно во влажную пахоту, собирали гнилую прошлогоднюю картошку. Соберёшь корзинку такой картошки, помоешь в ручье и радостный бежишь домой с этой «добычей». Потом, глотая слюну, ждёшь, когда мама испечёт из них пресноки. Горячие пресноки – мягкие, мы их едим, и нам кажется, что вкуснее ничего нет. А вот когда остынут, то становятся как кол – укусить невозможно!

А вы знаете, что такое «попки»? Это сладкие лепестки клевера. Их добавляли в толчёную картошку – получалось нечто похожее на хлеб. В гнилом картофеле много яда, поэтому люди часто страдали дизентерией, а некоторые и умирали. Даже такую картошку не разрешали собирать, за это колхозное начальство могло и наказать. Это я на себе испытала.

Одежда ветхая, что-то перешивали, штопали, перелицовывали, обуви нет. В школу даже зимой ходили в лаптях. У меня несколько лет было одно-единственное суконное платье, которое я берегла, т.к. в школу больше нечего было надеть. У каждого ученика холщевая сумочка через плечо, а в ней чернильница, перьевая ручка, кое-какие тетрадки...

За уроки садились поздним вечером, читали и писали при свете каганца – небольшой керосиновой коптилочки.

Мужчин в колхозе было мало: многие полегли на полях сражений. Женщины пахали и бороновали на

себе, т.е. были тягловой силой. Запряженные в плуги и бороны, они шли впереди, а мы, дети, за ними – бросали в землю картофель, зёрна. С весны до поздней осени все трудились в поле. Нужно было поднимать сельское хозяйство, и подростки понимали очень хорошо, что такое «надо». Никто не отлынивал, плечом к плечу был со взрослыми и на сенокосе, и на посевной, уборочной...

А холодными зимними ночами ходили в лес за хворостом, привозили его на деревянных саночках, чтобы хоть как-то отапливать жилища. Из урочища «Сосновое болото» доставляли сырые дрова для отапливания школы. Печи дымят, сыро, холодно, но мы сидим в классах, старательно пишем, только перья скрипят.

Окончила я 7 классов и пошла работать в колхоз. Замуж вышла в 59 году, родила трёх дочерей. Работала на свиноферме. На какое-то время перешла в полеводческую бригаду, а потом снова на старое место работы. Всё делали вручную, нелегко было».

Бабушка Мария Лукинична с удовольствием отвечала на наши вопросы, рассказывала о народных традициях и обычаях, о том, как на родинах или крестинах обязательно присутствовала бабка-повитуха. Горшок (махотку) с кашей обязательно прятали, а после разбивали. Кашу из разбитого горшка высыпали курам, чтобы яйца несли.

А какие весёлые были вечорки, на которые приходили парни и девчата, пели песни, рассказывали байки, прибаутки, танцевали! Девушки занимались

рукоделием: пряли пряжу, вышивали, ткали. Песни пели всегда: на работе, во время застольных праздников, в поле, лесу...

«Я и сейчас пою. Сяду у окна, гляжу на улицу и пою», – признаётся Мария Лукинична. И по нашей просьбе она начинает петь народные песни, да такие душевные, жизненные!

Себя Мария Лукинична, несмотря на все испытания, лишения, болезни, считает счастливым человеком. У неё 6 внуков и 9 правнуков: старшему 13 лет, а младшему полгода. Дом красивый, ухоженный, всюду чистота. И в саду, огороде полный порядок, посажены экзотические деревья, кустарники, много цветов, которые что дружным хором «выбегают» каждую весну на улицу. Всё это дело заботливых, трудолюбивых рук старшей дочери Нины Михайловны, которая проживает с матерью. Здесь постоянно слышны голоса приезжающих в гости внуков и правнуков. Младшему поколению есть у кого учиться трудолюбию и житейской мудрости.

В гостеприимном доме Марии Лукиничны нас радостно встретили и с почестями, угостив чаем со всякими домашними вкусностями, провели, как дорогих гостей. А какими вкусными блинами угощала нас соседка бабушки Валентина Ивановна Батюшкина! Узнав, что к соседям заявили гости из Хотимска, она принесла целую гору масленых блинчиков. Вот что значит деревенское хлебосольство и дружные, щедрые соседи!

А в каком красивом месте, на высоком холме у Беседи, стоит дом Марии Лукиничны! Из окна его открывается великолепный живописный вид на реку, луг, лес – такая красота, аж дух захватывает! По водной глади, словно белоснежные парусники, лебеди плавают...

Во время экскурсии по деревне мы долго ещё делились впечатлениями о встрече с интересными людьми и пообещали друг другу, что летом обязательно придём сюда в поход с ночёвкой.

Надежда Ивановна Ковалёва, наш педагог, рассказала об истории деревни. Мы услышали легенды о первых поселенцах, побывали возле мест бывших воинских захоронений. Прошли по улице, где когда-то в престольные праздники был базар. Оказывается, на таких базарах можно было купить всё: нитки, иголки, различные украшения, сладости, рыбу, а также лошадей, коров, свиней... Узнали, где были кузницы и еврейский ларёк.

Нам показали место, где во время войны был мост, охраняемый немцами, и их штаб.

Мы постояли у обелиска, почтили память всех погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. Никто не забыт, ничто не забыто. Пока мы помним наших героев, они живы, а значит, жива историческая память. Мы благодарны павшим и выжившим героям. И наша память о них – это залог бессмертия победителей.

*Минченко Арина, Куляцкая Александра,
учащиеся объединения по интересам «Живое слово»*

Учащиеся объединения по интересам «Живое слово» у места бывших захоронений советских граждан, умерших от ран в 1941 г.

У памятника погибшим воинам-землякам. д.Боханы.